

ГЛЕБ ПИВОВАРОВ

Побороть рак - половина дела.
С этим ещё нужно научиться жить.

ДИАГНОЗ- ЖИВ!

12+

Глеб Пивоваров

Диагноз – жив!

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Пивоваров Г. О.

Диагноз – жив! / Г. О. Пивоваров — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Наверняка каждый из нас испытывал на себе эффект дежавю. Что такое дежавю? А если бы дежавю могло длиться час? Год? Годы? Если бы был шанс вернуться назад, пустить ход времени вспять и прожить жизнь заново? Избежать трагедий, вновь пережить самые светлые минуты? Заманчиво, правда? Савелий Винтер закрыл глаза на операционном столе онкологического диспансера, а очнулся в собственной детской кровати в родительском доме. Ему снова двенадцать и впереди вся жизнь. Как воспользоваться шансом, ведь в его голове столько знаний и опыта человека из будущего?

© Пивоваров Г. О., 2019

© ЛитРес: Самиздат, 2019

Содержание

Пролог	6
Глава первая. Пробуждение	9
Глава вторая. Отцы и деды	12
Конец ознакомительного фрагмента.	16

От автора:

Дорогой друг, спасибо за скачивание этой книги. Покупая данное издание, Вы поддержали большое дело. А именно программу по сбору денежных средств для печати благотворительного тиража «Диагноза», который будет передан в дар краевому онкологическому диспансеру вместе с другими книгами, которые тщательно отбираются совместно с отделом профилактики Онкологического диспансера имени Крыжановского.

Во время лечения, находясь в стенах диспансера, у меня было достаточно времени, чтобы поразмыслить над непростыми вопросами, которые порою ставит перед нами жизнь. Те ответы, которые мне удалось найти легли в основу этой книги.

Приятного вечера. Надеюсь, это свидание с «Диагнозом» станет таким же приятным путешествием, каким оно было и для меня.

С любовью и благодарностью, Ваш Пивоваров Глеб.

Моему поколению,
где КВН не хобби, а профессия.

Пролог

Ноябрь две тысячи пятого, а эта дуреха стоит без шапки. Коричневая дубленка, типичные черты и повадки для левши. Собственная система письма и образ мысли, в который влюбляешься моментально. Впрочем, все это я должен буду узнать чуть позже.

Все вокруг серенько, уныло и как-то очень промозгло. Противный ветер с Волги, который всегда дует непременно в лицо. Неприятный парадокс нашего города. Куда бы ты ни шел, ветер будет дуть именно в лицо!

Холодно. Перекресток. Светофор. Остановка. Она.

Стоит без шапки. Ну, надо же было выбрать такой опознавательный знак! Вот они, причуды знакомств в сети и глупой юности, когда собственная крутость и надежда на удачу греют лучше любого меха. Ладно, наши вообще будут штанишки подворачивать!

Разумеется, сейчас интернет только набирает обороты, тихо потрескивая модемами телефонных линий, поглощая рубли и минуты с карточек экспресс оплаты.

По крайней мере, у нас в городе это так. Компьютеры есть далеко не у всех и знакомства в сети пока в новинку. Маленький каприз, в котором я не смог себе отказать. Просто увидеть её снова. Еще раз насладиться красотой этой девушки и, глядя на неё, в тысячный раз подумать, что все могло бы быть иначе. Но, к сожалению, финал этой пьесы ясен и понятен.

Через несколько минут мы должны будем впервые встретиться и пойти, как и договаривались, в институт. Ей туда надо для поступления. Летом она переступит порог школы с выпускной лентой наперевес и ворвется в мир оголтелых абитуриентов!

Но сейчас нужно идти и готовиться. Непременно в ноябре! Поступать она никуда не станет, хоть еще и не знает об этом. А я? Я уже давно не вдаюсь в подобные детали. Просто события, тем более если я точно знаю ход времени и что с этим временем делать.

Ноябрь две тысячи пятого. Странное дело, уже летом шестого я уеду учиться в Питер. И уже не вернусь обратно. И на это будут свои причины. Она переедет в Москву, и наши дороги пересекутся только в ноябре две тысячи седьмого на берегах Невы. И это будет настоящая катастрофа! Эта встреча станет нашей последней. Здесь нет будущего. Она не твоя. Ты знаешь!

Эх вы, юные трусы! Эх я! Ведь это от нас зависит, будут ли эти милые и светлые создания думать, что все мужики козлы и уроды, а после долго оправляться от полученных ран! И все это только потому, что у нас не хватает мужества быть постоянными или расхлебывать то, что закрутили сами. Дураки-мальчишки. Плата за короткое счастье и чувство собственной значимости.

Но, с другой стороны, разве можно взрослеть по-другому?

Савва, не трогай. Не переходи дорогу. И вообще не выходи из комнаты, не делай тех же ошибок! Не морочь ты ей голову! Просто дай ей жить самой, самой выйти замуж, родить сына! Ты ведь все это знаешь!

Хотя чего уж там? Без сомнения она прекрасна! Молода и свежа в своей бесконечной юности. Сколько ей? Лет шестнадцать, кажется? Ее густые русые волосы с темными прядками, высокий лоб, острые ушки и невероятные глаза. Огромные, глубокие, карие. Наверняка о таких глазах пел командор Резанов, глядя на свою дорогую Кончиту Агуэльо! И как же я его понимаю! Петь хочется. Переходить дорогу – уже нет.

А имя? Её имя, которое на долгие годы станет любимым. Впрочем, давайте оставим его за скобками этой истории. Я влюбляюсь? Снова? Не мудрено. Нет, дорогой мой, тебе нельзя. Ты знаешь все, что вас ждет впереди. Абсолютно все.

А он? Кого она ждет? Веселого студента, свободного, как ветер. А я? А мне, знаете ли, скоро сорок! Ты только вдумайся! Зачем ей все это надо?! А тебе сейчас? Тогда да, без сомнений. Веселый, кажется, был период и у неё, и у тебя. Но теперь? Нет уж. Режем и эту нить.

Часы на Гончарова бьют ровно два часа. Зеленый! Время переходить дорогу. Стоп! Ни шагу.

Ты ведь будешь волочить её в памяти после! Смысл, если она и так уже там? Ты вспомни, давай, напряги память! Спустя годы ты, а не она, будешь искать её в сети, звонить, писать, искать её дружбы, но все это потом! Сперва разобьешь ей сердце, вынешь наружу всю её душу, спрячешь от всего того ада, в котором она сейчас живет, заставишь верить в чудо...

И просто исчезнешь. Магия! Но фокусник должен вернуться после исчезновения и, желательно, сразу, иначе эффект пропадет. Вот я и вернулся. Жаль, что спустя столько лет.

Это для нее секунды. Для меня годы мучительных ожиданий, обдумываний и принятия решений. Но я снова на этом перекрестке Ленина и Гончарова. Перекрестке времени и попыток сделать лучше.

И вот она всего лишь в пятидесяти метрах от меня! Я ведь могу подойти совсем близко, но все равно она меня не узнает. Не пойду. Давно решил, что не пойду.

У меня фора почти в двадцать семь лет! В девятнадцать пошел бы, не задумываясь. Шагал бы снова и снова, вдыхая её аромат, заглядывая в глаза и веря в бесконечно прекрасное будущее для нас двоих! Но в тридцать девять? Нет.

Эх, мне бы наблюдать со стороны, как в книгах и фильмах, но нет же! Мне дана иная привилегия и мука: прожить все это еще раз. Прожить, пока они все живы, прожить, пока жив и я сам. Все даты мне известны.

Для них все это впервые. Для неё все реально, а для меня? Увы, уже не имеет значения. Но я-то, в отличие от нее, знаю будущее! Знаю. И это сводит меня с ума. Воистину, в неведении блаженство. Счастливы дураки, не знающие, в какую воду вступают и не понявшие, что брода нет.

Идем-ка лучше домой. Лучше я буду «чудиком из сети, который так и не пришел на встречу», чем все вот это!

Ход этой истории я переписывать не стану. Просто уберем саму историю, и шрамов станет меньше. У неё точно.

Вообще, наверное, в этом и есть суть отношений и дружбы – мудро распорядиться тем доверием, которое тебе оказано. Тогда это становится взаимным! Тогда понимаешь, какое сокровище тебе дают в руки. Даже если вам по шестнадцать! Тогда количество «Я тебя люблю» и «Я тебя тоже», «Спасибо» и «Пожалуйста» будет в равновесии. А это, пожалуй, и есть ключи от счастья. Сколько нужно прожить и наломать, чтобы понять эти простые истины? Сколько раз нужно умереть, чтобы в этом убедиться?

Здесь же все получится иначе!

Я ухожу. Иду по привычным улицам своего детства. Домой. К маме и папе. Сколько радости в этих словах! Домой!

Интересное дело. С момента моего пробуждения прошло уже семь лет, а я до сих пор помню, как вхожу в операционную, словно это было вчера. Как же там было холодно! Лампы, мониторы, радиомикроскоп для удаления раковой опухоли из моего мозга. Этот стол, на который я ложусь! Все беседы с врачом до операции и все возможные варианты и последствия удаления лишнего из моей головы.

Помню, как мы обсуждали вероятность моей смерти, как говорили о том, что я могу сойти с ума, и о том, что непременно проснусь с «дефицитом левой стороны».

Но о том, что я проснусь в своей комнате в январе девяносто восьмого, речи не было! Не было такого!

Впрочем, почему «было – не было»? Может быть, это все и сейчас есть? Просто я медленно умираю у них на столе, и вся моя жизнь проносится перед глазами? Может, все это не больше, чем игры моего больного и истерзанного мозга? Дурной сон? Отравление наркозом? Кома? Клиническая смерть? Просто смерть?!

Пусть так, тогда я счастлив. Вспоминать, менять, проходить вновь. Но нет! Я не согласен! Хм, даже смешно, словно кто-то спрашивает моего мнения. Но слишком уж реален этот сон. Слишком уж все по-настоящему. Слишком затянулся этот спектакль реальности.

Глава первая. Пробуждение

Я лежу в кровати. На удивление удобно. Тепло. Мягкое одеяло. Мягкий свет пробивается сквозь плотные красные шторы. Лежу и смотрю в потолок, не понимая того, почему я нахожусь именно здесь. Я знаю это место. Я часто возвращаюсь сюда в своей памяти. Знаю я и время. Уверен, у каждого есть такой день, в который хочется вернуться.

Я и мой брат мирно спим, а скоро войдут родители и поздравят меня с моим двенадцатилетнем. Один из самых счастливых дней в жизни. И хотя сегодня понедельник, морозы ударили настолько сильные, что вся семья осталась дома, а нам разрешили спать чуть ли не до обеда!

Мама испекла торт и пирожные. Я слышу этот запах. Я слышу их смеющиеся голоса. Папа. Это его голос и смех! Сколько прошло с его смерти? Четыре года? Пять? Но это его голос. А значит, он жив!

А еще сегодня они подарят мне набор брелоков для ключей в виде маленьких машинок. От совершенно невообразимых драндулетов до ВАЗовской «тройки». Вот он лежит на желтом стуле рядом со мной. Шесть машинок в красной полупрозрачной коробке. Дорогая для мальчишек вещица! Почти валюта. Я обменяю их потом на роботов-солдатишков, тех самых, с головами всяких зверей, которые умели двигать руками! Две машинки отдам за большого трансформера и что-то там еще. А после у меня все это отнимут по пути из школы. Какое это будет горе! Кажется, там был еще какой-то динозаврик в довесок, но это уже не важно!

Впрочем, один драндулетик из набора останется точно. Его я сегодня отдам дедушке. Он тоже приедет на мой день рождения. Дед его потом вставит в переключатель скоростей из оргстекла на своем запорожце.

Сейчас все шесть машинок на месте! И тихий зимний свет падает на желтый стул через щелочку между плотными красными шторами.

Свое смутение, истерику, тихий ужас от реальности происходящего описывать я не стану. Пропустим этот момент тихой агонии. Не стану я описывать и то, как щипал себя, как стоял у окна, наблюдая за зимним пейзажем реки Свияги и то, как глядя в глаза нашей собаке, спрашивал, что же это творится?!

Скажу только, что после всего этого я побежал на кухню и со слезами обнимал и целовал тех, кого я последний раз видел на похоронах отца и чьи голоса слышал из нашей детской!

– Я так сильно вас люблю! Простите, простите меня за все. Я так рад, что вы здесь! – почти в беспамятстве шептал я.

– Малыш, тебе приснился кошмар?

– Да. Мне действительно приснился страшный сон. Мне приснилось, что папа умер от рака, что ты, мама, убитая горем отрешилась от жизни и тихо сходишь с ума. Что я далеко в Сибири, и там убитая горем моя жена, потому что я тоже от рака умер!

– Господи, какой кошмар! Ужасно, это просто ужасно, сынок, но это просто сон. Просто плохой сон. Мы здесь, с тобой, видишь? Мы очень тебя любим.

И они поцеловали меня и нежно-нежно обняли, а я рыдал посреди нашей кухни с красным абажуром. И с каждой слезой из меня выходила боль и страх последних лет.

Этот поток откровений и признаний длился примерно час.

– Видимо, он сильно испугался, – шепнул отец матери на ушко. Потом они отвели меня в свою спальню и разрешили поспать еще и не заниматься домашними делами в свой день рождения.

Я сделал вид, что уснул, родители успокоились и вернулись на кухню, поскольку вечером должны приехать бабушки и дедушки в гости. Хотя на улице стоит собачий холод и ветер!

Итак, это все не сон. Это не реанимация. Не операционная. Да и на «тот свет» все это не особенно похоже...

Итак, где я и что происходит?! И если я сейчас здесь, то значит ли это, что где-то «там» моя жена, напрочь убитая горем, оплакивает свое вдовство?! Безумие! Катя! Катенька-котейка! Господи боже, какой ужас! Господь, Ты ли стоишь за всем этим? Как искажены, должно быть, сейчас черты ее лица?! Как постареет это светлое, почти детское лицо! Впрочем, страх, боль и безысходность никого не делают ни краше, ни моложе! Таково лицо истинной потери и отпечаток ее уже не изгладить. Это в глазах, в мимике и жестах. Едва уловимо, но тем, кто умеет видеть, доступны и эти штрихи навсегда ушедшей юности и безмятежности.

Страх, боль и безнадежность. «Несвятая троица», правящая миром и жонглирующая нами, словно в мире больше нет места ни для веры, ни для надежды, ни для истинной любви.

Но если она там, а я здесь? То где это самое «здесь»? Я все более и более покрывался холодным потом.

Что это? Игра воображения? Параллельные вселенные и торжество Эйнштейна? Тангенциальное пространство Донни Дарко? Если да, то пусть эта реальность будет в разы лучше, чем та, что мне пришлось оставить. Здесь мы, по крайней мере, еще дети и сейчас Катя наверняка берет свои дипломы на детских художественных конкурсах и выставках!

И вдруг меня поразила мысль, а что, если дежавю? Только вместо короткого отрезка вот такой объемный абзац? Ведь это чувство было у каждого? Хоть раз в жизни да было? А что, если наш мир куда тоньше и интересней? Если время – это и не время вовсе? Если есть право обратной перемотки? Если каждое наше дежавю – это «склейка» реальностей и ответ на молитвы о возможности исправить, изменить, начать сначала? Тогда у меня все очень даже неплохо! И где-то в этом «сбое системы» мне крупно повезло.

Другого объяснения все равно нет. Тогда я могу пройти все еще раз, ну или все это растворится, словно видение? Риск минимален. Дежавю длиною в жизнь. Минус двадцать лет. Минус смерть. В сумме выходит новая жизнь.

Наверное, глупо будет прямо сейчас бежать в Сибирь, приставать к девочке семи лет со словами: «Катя, я твой муж из будущего, (ну или из прошлого) у меня был рак мозга, там что-то пошло не так, и теперь мы снова дети! Но через 20 лет мы вырастем, поженимся и будем счастливы, а сейчас давай дружить и есть мороженку?» Спокойно, Савва, просто всему свое время.

Теперь надо решить, как это время заполнить? Я, как минимум, умнее и взрослее многих сверстников. Приятно. Я ведь могу экстерном закончить школу, раньше поступить в университет, пораньше пойти в Церковь, поступить в семинарию, не встречать и не получать по лицу! Сколько возможностей! Я же знаю лучшие шутки КВН и песни, которые точно станут хитами. Я же могу стать гением! Пророком! Да кем угодно я могу стать!

Так. Стоп. На гитаре я, кажется, еще не умею играть. Ладно, это мы исправим. Времени достаточно. Надо бы еще и клавиши добавить к изучению. И языки. И программирование. И питание! Обязательно спорт и правильное питание! И я начал фантазировать на тему.

Но чем больше я перебираю варианты и события, тем страшнее становится эта новая реальность. Это январь девяносто восьмого!

Август. Господи боже почему именно сюда? Ведь через каких-то пять-шесть месяцев не то, что о правильном питании можно будет забыть. Вообще вопрос питания встанет весьма остро, и надо будет идти работать грузчиком с отцом и братом! Долларовые кредиты, дефолт, забастовки и голодовки, перекрытые трассы! Да просто куча всего! Ладно, пережили раз, переживем и еще раз.

Или? Можно попробовать иначе! Ведь я же могу сделать родителей невероятно богатыми! Продать сад, купить доллары, и все – к сентябрю новая жизнь! И это как минимум! Я расплылся в улыбке. Кажется, нас ждет совсем другая жизнь. Надо сегодня же поговорить с отцом. Он умный, он меня поймет! Всегда понимал.

Глава вторая. Отцы и деды

Поговорить с родителями не вышло. Вообще, подмену они заметили сразу. Но сначала просто шептались на кухне о «резко повзрослевшем сыне» и о «недальновидности правительства», если «даже ребёнок понимает, куда все катится».

Здорово все прошло, когда я спросил у отца, где у нас Гессе, Бродский и Булгаков. Сколько гордости и радости было в его глазах! Библиотека в доме была более чем достойная! Но, к моему удивлению, в ней совершенно не нашлось книг по медицине, и уж тем более книг, затрагивающих тему онкологии. Поэтому я быстро освоил тропинки к центральной юношеской библиотеке. Также брал книги по медицине и психологии «во взрослой». В этом уже помогали родители.

Наши с Андреем родители – это обычные честные советские инженеры, которые теперь учатся жить по новым правилам. Последние десять лет мы жили в новой кооперативной «трешке», которую для наших родителей долго и честно строили их родители.

Мебели у нас было мало, убранство простое: стенка в зале с хрусталем и цветным телевизором «Весна», два зеленых кресла с деревянными подлокотниками, журнальный столик и старенький диван. Еще стояла радиолa с виниловым проигрывателем. Кстати, коллекция пластинок у отца была отличная!

Кухня была совершенно простая. С красными обоями под кирпич двух видов, так как в наличии не оказалось нужного количества рулонов, хоть площадь кухни и была всего метров девять, плюс кладовка; раскинутый наполовину белый стол-книжка и холодильник ЗИЛ. Но необычным было то, что именно на этой кухне готовились истинные кулинарные шедевры при полном отсутствии продуктов.

В родительской спальне все было еще проще: шкаф, две кровати, приставленные друг к другу, круглое зеркало, объединенное попугаем Кешей, и небольшой красивый круглый картежный стол с белой столешницей и резными ножками. Очень старый, с накинутым сверху вязаным пледом. Папа все время спотыкался об него и однажды увез его на дачу, где стол окончательно исчез.

Но наша с Андреем комната – это отдельная история. Здесь родители, экономившие на всем, кроме нас, постарались на славу! Два диванчика с раскладывающимися бортами-подлокотниками, чтобы превратить небольшой диван в полноценное спальное место. Было два секретера с откидывающимися столешницами, чтобы мы могли делать уроки. Чёрно-белый «Горизонт», восстановленный из пепла каким-то мастером таким образом, что мы могли подцепить к нему наш Денди. Еще было три ковра. Один на полу и два на стенах, чтобы нам не мерзнуть в бетонных коробках. Настоящая роскошь постсоветского быта!

Была в нашей комнате и еще одна вещь. Сколько я себя помнил, она всегда стояла в шкафу. Это старая мамина печатная машинка. В ящике, в котором она хранилась, была и писчая бумага. Советский А4 удивительно приятный на ощупь. На этих листах я печатал свои стихи и заметки. Рука не слушалась и быстро уставала от письма, отчего почерк получался очень корявый и плохо читаемый.

Еще от старого спортивного комплекса, который некогда занимал почти всю комнату, родители оставили нам только шведскую стенку и турник, которыми теперь пользовались ежедневно не только мы, но и отец.

Вот и вся мебель. Все остальное – это книги! Множество книг на самодельных стеллажах и полках. И все это было, без сомнения, прочитано моим отцом.

Из Владимира Александровича вышел бы хороший кабинетный ученый, получился бы толковый преподаватель в вузе. Он любил читать и глотал книгу за книгой, перечитывая вече-

рами вслух наиболее интересные места. Слушать его было одно удовольствие! Он умел и любил работать. Но зарабатывать так и не научился. Папа был очень честный, хорошо воспитанный, но немножечко ленивый человек, для которого перестроиться с рельсов «дом-работа-дом» почти невозможно.

Поэтому в квартире были бесконечные коробки с фильтрами для воды «Роса», барометрами и еще какой-то не совсем понятной для меня бытовой «приборкой», которую папе давали вместо зарплаты на заводе, где он работал начальником цеха. Все это всей нашей семьей продавалось или менялось на еду, вещи и предметы быта. Соседи по подъезду обходили квартиры друг друга, предлагая, кто чем был богат. Денег толком не было ни у кого. Мы снова живем в эпоху натурального обмена. И здесь, как никогда, было важно единство семьи.

Здесь на авансцену выходила мама. Ксения Анатольевна – всегда молодая и очень красивая женщина, вышедшая замуж в девятнадцать, а в двадцать три уже бывшая матерью двоих сыновей. Старший сын Андрей и младший – ваш покорный слуга и правдивый рассказчик этой истории – Савелий Владимирович Винтер.

Мама всегда была активной и очень жизнерадостной женщиной, умевшей находить выход из любой тупиковой ситуации, приготовить ужин при полном отсутствии продуктов и утешить скорбящего, подобрав слова и жесты. Она всегда брала бразды правления там, где не дотягивал отец, поэтому в доме все всегда крутилось и вертелось так, как ей было нужно. Даже в час ночи. Даже если мы закатывали банки на зиму. Все было при деле, на подхвате и за споры с мамой всегда можно было получить «на орехи» от отца!

Семья и лад в доме, пожалуй, единственное, что дает хоть какую-то надежду и стабильность для жизни в нашей многострадальной стране. На Руси всегда выживали только семьями.

И если эти отношения подорваны, то ты остаешься один на один со всем безумием этого мира, правительства, начальства и окружающей среды. Нам с братом бесконечно повезло. Наши бабушки, дедушки, мама и папа были действительно достойными людьми. То сокровище, которое не ценишь, пока не потеряешь, или пока не начнешь ходить по чужим домам. За свою жизнь мне хватило и потерь и «чужих домов», чтобы осознать эти простые истины.

Итак, фронт работы был ясен, а благодаря поддержке домашних у меня все пошло более чем бодрым маршем! Я адаптировался к этой реальности и с радостью смотрел на юную Орейро, пересматривал «Элен и ребята» и ловил премьеры по MTV, слушая эти песни словно впервые, активно подпевая и пританцовывая! Кассетный магнитофон на кухне крутил «Арию», «ДДТ», «Короля и Шута» с их новой скрипачкой и бесконечными «прыжками со скалы», а виниловые пластинки в зале снова звучали голосами «Аббы», «Скорпионс» и «Битлз»!

Самое главное, у меня пропал страх. Вообще, страх сковывает нас именно тогда, когда мы в силах что-то изменить.

В итоге я так увлекся, что родителей стали вызывать в школу из-за моих споров с учителями во время уроков. Повеселил их случай, когда я в голос начал читать «Я вас любил» Бродского, воспользовавшись заминкой одноклассника у доски, который никак не мог осилить любовной лирики Пушкина. Мне, конечно, прочитали лекцию о такте и приличном поведении, но и тогда мама и папа всецело были на моей стороне, не скрывая своей радости за сына и его незаурядные способности.

– Ну, и о чем вы поспорили на этот раз?

– О мамонтах. У нее картинка на столе лежала, где древние мужики копьями с каменными наконечниками загоняют на охоте мамонта в ловушку.

– И что?

– Блин, родители, ну вы же умные люди! Вот вы сами верите, что древний человек смог деревянной палкой-копалкой вырыть яму размером с мамонта, отбить одного многотонного

от целого стада ему подобных, загнать этого слонопотама в свою ловушку, а потом каменным ножом резать шкуру в восемь сантиметров толщиной и делать из этого одежду?

– Ты думаешь, что все было не так?

– Нет, может быть так оно все и было, просто могут быть варианты. Что если вся эта пещерная живопись не сцена охоты, а сцена, например, отпугивания стада от стоянки людей? Я лишь сказал, что все, что до Ельцина не совсем достоверно и всегда в истории есть оттенки и детали, которые меняются со временем и точкой зрения. Особенно в рамках школьной программы. Все зависит от того, кто у руля. Вот еще вчера Ленин и Сталин были хорошими, а уже сегодня это ставят под сомнение, а пройдет лет 20 и опять они станут хорошими! Вот об этом я и говорил.

– Так это тоже вполне логично.

– А вот наш учитель истории посчитала иначе и вклеила мне на уроке тройку. Хотя это была даже не наша тема!

– Да и Бог с ней. Потом выучи по учебнику и получи пятерку. Не трать силы на ветер. И не стесняйся задавать вопросы. Думай, рассуждай, учись! Знаешь, что отличает человека талантливого от всех остальных?

– Что?

– Он может выбирать, чем ему заниматься. Он не связан рамками и системами. Он их создает. Поэтому посмотри вокруг: одни сейчас богатеют, воруют и грабят целую страну. А другие, увы, нищают, как мы. Мы не видим возможностей. А вы с братом их увидите. Поэтому не тратьте себя на ветер! И не идите против совести. Никогда. Мы прожили так, чтобы не стыдиться, наши родители так жили. И вы, пожалуйста, сохраните свою честность.

Впрочем, удивлялись, а порой и пугались моих слов и действий даже они. Что поделать, человек – это сумма поступков, знаний и опыта. Не спрятать образ мысли, прочитанные книги, институтское образование и тех людей, с которыми ты рос и дружил. Все это у тебя в глазах, на языке и кончиках пальцев. Даже если тебе двенадцать. Не спрятать и отсутствие всего вышеперечисленного.

В моем же случае оказалось невозможным скрыть ни университет с семинарией, ни стажировку в Германии по психотерапии, ни сформировавшийся литературный и художественный вкус, ни веру в Бога, ни любовь к Библии, ни знание событий последующих двадцати лет.

И все это радовало, удивляло, восхищало и открывало перспективы. Правда, об окончании школы экстерном или хотя бы с медалью, мне пришлось забыть. Я решительно не помню почти ничего из школьной программы, а наверстывать эти пробелы и прилежно сидеть на уроках, которые я когда-то слушал, мне показалось не особенно интересным. Хотя общая успеваемость повысилась. Придаться было не к чему.

Здесь стоит сказать, что дискуссии на уроках истории, МХК и литературы были уже нешуточными. Некоторые учителя меня стали явно недолюбливать! А некоторые, напротив, начали использовать меня в своих интересах. Таким образом, по протекции директора нашего славного лицея я получил возможность помогать учителям вести кружки и факультативы по этим предметам. Не так чтобы их много кто посещал, но все же.

Больше всех этому обрадовался мой папа. Он втянулся в эту игру настолько, что теперь лично отбирал для меня книги и прочитывал специализированную литературу «под карандаш». Дуэль началась! Впрочем, иногда мы проигрывали.

Мы проиграли битву пожилой женщине, учительнице истории, той самой Лидии Игнатьевне, которая вклеила мне тройку и до последнего жалела о Перестройке, развале Союза и победе Ельцина на выборах два года назад.

Мне пришлось признать, несмотря на всеобщее настроение, что дальнейшее развитие России этим курсом приведет к образованию весьма коррупционного общества и его новому

расслоению на очень богатых и бедных, на «чиновников» и «бюджетников», хотя они получают зарплаты из одного федерального бюджета и на «Москву» и «регионы».

И когда она скажет, что именно с этими явлениями и пытались бороться ранее, поднимая страну после военной разрухи, проделав путь от Великой победы к покорению космоса меньше чем за двадцать лет, у меня не останется другого пути, как только согласиться с ней. Согласиться в необходимости сильной хозяйской руки и жестких мер по отношению к тем, кто, получив власть и деньги, станет отрываться от реальности, пуская целую страну по ветру.

Крыть было нечем. Мудрая женщина. Может, у нее тоже форы в двадцать лет? Но я получил от нее задание на лето разработать план «развития России в конкретных пунктах и цифрах».

Но несмотря на эти явные успехи в учебе и сближение с родителями, дискуссии по поводу денег и нового образа жизни результатов не дали.

И сад, который будет нас кормить буквально через два месяца, родители так и не продали. Равно как и не купили «доллары по шесть». Ехать куда-то в Эмираты и строить какой-то там непонятный город в Аравийской пустыне ради паспорта «государства с неясными перспективами» им тоже показалось неправдоподобным.

– Ты хоть и здорово мыслишь, но все еще маленький и веришь сказкам, – подытожили они.

Мне очень хотелось рассказать им правду, но я не стал. Неизвестно, чем кончилось бы дело. Не думаю, что они отведут меня к психиатру, но и лишнего болтать пока не стоит.

В итоге все сложится так, как это было в прошлый раз. Дежавю. Работа грузчиком в летние каникулы. Родители, которые дни и ночи, неделя за неделей, уйдя с завода с его бесконечными фильтрами и барометрами, пытались строить свое дело и неизбежный крах этой маленькой несостоявшейся «империи Винтеров», чтобы снова вернуться на завод. Да, стало лучше, но общий смысл остается. Ничего, кроме труда и надорванного здоровья.

А потом начнется череда смертей. Кого-то избыют до полусмерти, кого-то просто убьют, кто-то не справится с тем, что рухнул целый мир, который они отвоёвывали, восстанавливали и насаждали жизнью.

Одним из таких будет мой дедушка. Тот самый, который вставит мой драндулетик в рычаг КПП своего запорожца. Человек – эпоха! Тот, кто воевал, и тот, кто восстанавливал страну после разрухи! Его мир рухнет в девяносто восьмом. Редко говоривший о войне, хотя почти вся Вторая Мировая осталась на его лице и теле, он не мог поверить тому, что видел и чего видеть не хотел.

– Не за это я воевал, не за это отдал свою молодость и ногу, – тихо, почти неслышно для других, говорил он, смотря новости по федеральным каналам. Подобное же выражение лица у него было и при общении с молодыми людьми. Его разочарование росло. А вместе с разочарованием росла и боль в сердце.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.